

Анатолий Бергер

ПОДСУДИМЫЕ
ПЕСНИ

Анатолий Бергер
Подсудимые песни

Бергер А.

Подсудимые песни / А. Бергер —

«...Стихи Бергера разнообразны и по «состоянию минуты», и по тематике. Нет болезненного сосредоточения души на обиде – чувства поэта на воле. Об этом говорят многочисленные пейзажи, видения прошлых веков, лирические моменты. Постоянна – молитва о России, стране тиранов и мучеников, стране векового «гордого терпения» и мужественного противления временщикам. 6 лет неволи – утрат и сожалений не перечить. Но благо тому, кто собственным страданием причастился Страданию Родины...»

ББК 84p7-5

Содержание

Подсудимое слово	5
И, может, Родина нам ближе бедами,	6
Россия	6
Монолог летописца	7
Протопопу Аввакуму	8
«Кнут солёный, жаровня, дыба ...»	9
«Усобица князей. Коварный ...»	10
Декабрист	11
«Солдатских писем ворох ...»	12
«Народное»	13
«Кто не брал на пушку ...»	14
Памяти Клюева	15
«Телефон годов тридцатых ...»	16
«Смерть Сталина»	17
«Господи, помоги России ...»	18
«Приснился вождь былых времён ...»	19
«Бессребреник-трудяга ...»	20
«Маятный запах бензина ...»	21
«Сквозь веток перепутанную зыблемость ...»	22
«Далёкие тасую страны ...»	23
«Услышишь русское словцо ...»	24
«Знаю, дней твоих, Россия ...»	25
...И лагерные звёзды светят ярко,	26
Суд	26
I	26
II	26
«...»	28
«Эвакуация. Бараки жёсткие ...»	29
«Что случилось, что же случилось ...»	30
«В проходе тёмном лампочка сочится ...»	31
«Как ты снишься отчаянно, Стрельна...»	32
«До чего же здесь ночи темны ...»	33
Лене	34
«То украинскую мову ...»	35
«В умывальной враз на бетон ...»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Бергер

Подсудимые песни (стихи)

*Жене и матери
Посвящаю эту книгу.*

Подсудимое слово

Книга стихов ленинградца Анатолия Бергера называется «ПОДСУДИМЫЕ ПЕСНИ». Вот что пишет он о себе:

«Арестован 15 апреля 1969 года. Статья 70, часть I УК РСФСР... Прокурор Катюкова и судья Исакова, которые и сейчас на своих местах, старались вовсю. А до них трудился в поте лица следователь А. И. Лесников, которого потом перевели в Москву... Стихи мои в ходе следствия и в приговоре именовались «пасквилями», обвинения звучали страшно. Я обвинялся в «призывах к свержению Советской власти, в злобных выпадах в адрес советского народа»... Это было бессовестной ложью – суд и следствие расписывались, тем самым, в откровенном сталинизме»...

Итак, с 69 по 73 год – мордовские лагеря; с 73 по 75 – Красноярский край, Кура-гинский район, работа грузчиком.

Раскулачили страну – хоть в кулак свисти,
И на ком искать вину, Господи, прости!

Ленинградский суд высоко оценил стихи Бергера – 6 лет! Теперь черёд равнодушному читателю – оценить их прозорливость и обязательность. Не называемый тогда предмет «стихотворных пасквилей» стал предметом кипучей общественной ревности и серьёзного исторического изучения...

Стихи Бергера разнообразны и по «состоянию минуты», и по тематике. Нет болезненного сосредоточения души на обиде – чувства поэта на воле. Об этом говорят многочисленные пейзажи, видения прошлых веков, лирические моменты. Постоянна – молитва о России, стране тиранов и мучеников, стране векового «гордого терпения» и мужественного сопротивления временщикам. 6 лет неволи – утрат и сожалений не перечесать. Но благо тому, кто собственным страданием причастился Страданию Родины.

Самоцензура – самоубиенье. Дрожит перо, боится вдохновенье,
Строка юлит, душа хрипит в петле – Одним поэтом меньше на
земле.

Это написано на пятом году неволи (заметно по фактуре, не правда ли?) и говорит о выборе пути. Выбрана – свобода, о чём и свидетельствуют стихи.

*Владимир Леонович.
Март 1989.*

И, может, Родина нам ближе бедами, Которых век не занимать ей – стать

Россия

В полевых да охотничьих
Ты названиях-прозвищах,
То по-птичьи бормочущих,
То по волчьему воющих,

То пахнёт в них пожарищем,
То военную смуту,
То народным мытарищем,
Властью деспота лютою,

То печалью церковною,
Когда медленный звон плывёт,
То долиною ровною —
Посреди неё дуб цветёт.
1987 г.

Монолог летописца

За Русь – родную мати,
За кровь, разор, тугу
Отмсти, отмсти, Евпатий,
Проклятому врагу.

Пришли невесть откуда,
Темны, раскосы – страх,
И русскому-то люду
Не снились в чёрных снах.

Казнят младых и старых
И гонят, знай, в полон,
И гибнет Русь в пожарах,
Повсюду плачь и стон!

За что напасть такая?
И вот пошла молва —
Жива ли Русь святая?
То, может, татарва

И нынче Русью правит,
Карает слепо, лжёт
И злое иго славит,
Поклонствуя, народ.

Забыл он Божье слово,
От храма чур да чур,
Чтит идола дурного
Раскосый тот прищур.

И где же Русь, ты, мати,
Чей свет я берегу?
Так мсти же, мсти, Евпатий,
Проклятому врагу!
1968 г.

Протопопу Аввакуму

Заветное рождая слово,
О красноречьи не брегу,
Величье языка родного,
Как душу живу, берегу.

И голос твой святой и ярый
И звяканье цепей твоих,
Сухарь с водой, гнилые нары —
Судьбой врываются в мой стих.

Уж не с того ль, помилуй Боже,
Век древний тот как бы вчера,
Темно в глазах, мороз по коже
От жара твоего костра...
1971 г.

«Кнут солёный, жаровня, дыба ...»

Кнут солёный, жаровня, дыба,
Да скрежещет перо дьяка,
И за то, знать, Руси спасибо,
Что стоит на этом века.

Что её – волчий взгляд Малюты,
Беспощадная длань Петра,
И гражданские злые смуты,
И недавних казней пора.

Что сынов её – пуля-слава,
Вышка лагерная – судьба,
И приветствовала расправы
Раболепная голытьба.

Но сынам ли считать ушибы,
Им ли слёзы лить на Руси?
Ох, спасибо же ей, спасибо,
Спаси Бог её, Бог спаси.

1968 г.

«Усобица князей. Коварный ...»

Усобица князей. Коварный
Поход на половцев. Бой. Плен.
И снится князю дым пожарный
И грозной треуголки крен.

О, злая гарь, проклятый пепел,
О, безысходная страна!
Опять идти походом в степи
Иль на поле Бородина?

Вельможу ли библиофила
Спросить? Но он хитёр и лжив,
Недаром знаменье сулило,
В ночи недаром кликал Див.

Ещё Господь немало судит
Беды и страха на века,
Но тайной навсегда пребудет
Песнь о гибели полка...

1980 г.

Декабрист

Отчизны милой Божья суть,
Я за тебя один ответчик,
Легко ли мне себя распнуть
Той, царской площадной картечью?

Легко ли на помосте том
С петлёю скользкою на шее
Ловить предсмертный воздух ртом,
От безысходности шалея?

Легко ль в сибирских тех снегах,
В непроходимых буреломах
Знать, что затерянный мой прах
Не вспомнит, не найдёт потомок?

Легко ль провидеть, что пройдут
Года, пребудут дни лихие,
Нас вызовут на страшный суд
Дел, судеб и мытарств России,

И нашим именем трубя,
На праведном лова нас слове,
Отчизна милая, тебя
Затопят всю морями крови.

Свободу порубив сплеча, —
Безвинных истребят без счёта,
И снова юность сгоряча
Возжаждает переворота.

Легко ль нам знать из нашей тьмы,
Когда падёт топор с размаху,
Что ей пример и вера мы,
И мы же ладили ей плаху.
1966 г.

«Солдатских писем ворох ...»

Солдатских писем ворох,
Осиливший фронтов
Сыпняк, окопы, порох,
И нравы унтеров.

Уже почти истлели,
Строку поймёшь едва,
Как бы сквозь вой шрапнели
Доносятся слова.

«Портянкам нету сносу,
Четвёртый год тяну,
Кончайте, кровь из носу,
Тыловики войну!»

Измаялись проклятой,
А бабы вести шлюют —
Ведь дети – не щеняты,
Все с голодухи мрут».

Трепал тогда державу
Лихой озноб разрух,
Упал орёл двуглавый,
Носились перья, пух.

В глухой неразберихе
Тех толп, очередей,
В партийной той шумихе
Плакатов и вождей,

Сквозь вопли нутряные
Солдат, сквозь плач села —
Маячили России грядущие дела.
1968 г.

«Народное»

Раскулачили страну —
Хоть в кулак свисти,
И на ком искать вину,
Господи, прости!

Нависали над страной
Грузные усы,
Стал грузин всему виной,
Господи, спаси!

Русь в бараний рог согнул,
Страхи да суды,
Дым заводов, грохот, гул
Стройки и страды.

Всё на жилах кровяных,
На седьмом поту,
Сухарях да щях пустых,
Аж не вмоготу.

Коли слово поперёк —
Умолкай в земле,
Властью был отвергнут Бог,
Идол жил в Кремле.

Ох, Россия, край-беда,
Смутен путь и крут,
И тридцатые года
За спиной встают.
1966 г.

«Кто не брал на пушку ...»

Известно, что Сталин курил трубку...

Кто не брал на пушку,
Не вгонял в тоску?
Нынче за осьмушку
Гибнешь табаку.

Трубки-душегубки,
Тяжкий дым разъел
Речи и поступки,
Мешанину дел.

Дым доносит, судит,
Дым ведёт в тюрьму,
Что там дальше будет —
Всё в дыму, дыму...

Русскому народу
С маятной судьбой
Дымную ту одурь
Чуять невпервой.

И цари и тати,
И любая власть
Русь – родную мати
Задымили всласть.
1967 г.

Памяти Клюева

Страну лихорадило в гуле
Страды и слепой похвальбы,
Доносы, и пытки, и пули
Чернели изнанкой судьбы.

Дымились от лести доклады,
Колхозника голод крутил,
Стучали охраны приклады,
И тесно земле от могил.

И нити вели кровавые
В Москву и терялись в Кремле,
И не было больше России
На сталинской русской земле.

И Клюев, пропавший во мраке
Советских тридцатых годов,
На станции умер в бараке
И сгнули свитки стихов.

Навек азиатские щёлки
Зажмурил, бородку задрал,
И канул в глухом кривотолке,
Преданием призрачным став.
1967 г.

«Телефон годов тридцатых ...»

Телефон годов тридцатых,
Потрясённый абонент,
И жестоких губ усатых
Южный медленный акцент.

Пережив момент испуга,
Чуя слова грозный вес,
Слышит он: «А я за друга,
Я бы на стену полез».

«Он не друг. Не в этом дело,
Мастер он иль нет.
 Вся суть —
Жизнь и смерть, душа и тело,
Ибо века не минуть...»

Так в московской коммунальной,
Так рассудку вопреки
Голос тот внезапный, дальний.
Всё. Короткие гудки.

Надо всей страной огромной,
Над притихшею Москвой
Этот отзвук костоломный,
Этот роковой отбой.

Что поэт с его судьбою,
Если дальний тот отбой
Надо всей звучит страную,
Надо всей её судьбой...
1981 г.

«Смерть Сталина»

Как вкопанные, кто в слезах,
Кто в землю невидяще глядя,
На улицах и площадях
Стояли тогда в Ленинграде.

И диктора голос с утра
Над толпами гулко качался,
Стихая печально: «Вчера
Скончался... скончался... скончался...»

Темнели газеты со стен
И флаги мрачнели, маяча,
И глухо вздымался Шопен
Среди всенародного плача.

И в зимнем пока столбняке
Стыл город и ветры блуждали,
На Севере, там, вдалеке,
В бараках за проволокой – ждали.
1967 г.

«Господи, помоги России ...»

Господи, помоги России,
Господи, помоги!
Прегрешенья её прости ей
За века мытарств и туги.

Дай ей правду Твою, Божью,
Многих правд кровавых взамен,
Ибо кровь обернётся ложью,
Безвременщиной перемен.

Дай любовь ей ту, что прощает,
Что не хочет слушать навет,
Что и блудного привечает,
Укрывает сырых от бед.

И подай ей веру святую,
Но не ту, что чужих губя,
Но не ту, что громко и всеу,
Господи, верни ей себя.

1979 г.

«Приснился вождь былых времён ...»

Приснился вождь былых времён,
Таинственно и странно было,
Я точно знал, что умер он
И помнил, где его могила.

– Вы живы? Что произошло?
В газете я читал заметку...
– Газета, знаете ль, трепло, —
Ответил он с усмешкой едкой.

– Но памятник могильный, но
Тот скульптор, с ним едва не драка...
Он удивился: – Вот смешно.
Тот самый! Надо же, однако...

И вдруг растаял, вдруг исчез,
Как будто и в помине не был,
Как призрак, или, может, бес,
России роковая небыль.

А я остался наяву
Читать в газетах некрологи,
На ус наматывать молву
И сны разгадывать в итоге.
1978 г.

«Бессребреник-трудяга ...»

Бессребреник-трудяга
В полинявшем пиджаке
И без курева – ни шагу
Ты со мной накоротке.

И с глубокою затяжкой
Весь в мутнеющем дыму
О былой године тяжкой
Говоришь мне потому,

Что кровавой круговертью
Был закручен и кругом
Видел страх, аресты, смерти,
Ложь на истине верхом.

И усатого владыки
Костоломный стук подков,
И как все его языки
Славили на сто ладов

Слышал. И руками машешь,
С криком дёргаешь плечом,
Весь в дыму и пепле пляшешь,
Что-мол сам был не при чём,

Что пора минула злая,
И враги клеветуют, лгут,
Что нельзя судить, не зная,
Есть на то партийный суд,

Что вернуться к прошлым вехам
Не придётся. Стон умолк,
Но сломать хребтину чехам,
Как сломали венграм – долг,

Что глупа к свободе тяга.
Вновь рассыпался в руке
В прах окурков. Эх, трудяга
В полинявшем пиджаке.

1968 г.

«Маятный запах бензина ...»

Маятный запах бензина,
Окрик вороний скрипуч,
В снежных заплатах равнина
Никнет под тяжестью туч.

Бродят столбы, как слепые,
Крепко держа провода,
Глушь деревенской России
Будто в былые года,

Даже трусит, знай, лошадка,
Машет возница кнутом,
Пляшут избушки вприсядку,
Тесно толпятся гуртом.

Словно бы и не бывало
Бурь, разметавших страну,
И не она погибала,
Перемогая войну.

В том-то, видать, вековая
Правда, судьбы её суть —
Не погибать, погибая,
С давних путей не свернуть.

Только столбов вереница,
Запах бензина вокруг —
Нынешних дней небылица,
Нового времени дух...
1978 г.

«Сквозь веток перепутанную зыблемость ...»

Сквозь веток перепутанную зыблемость
Ещё видны кресты и купола,
Но дело их печальное и гиблое,
Как многие старинные дела.

И мост пугает деревянной ветхостью,
Темна вода, похожая на нефть,
Порою древность дышит светом, вечностью, —
Тут запустенье, а величья нет.

Но разве любим по-сыновьи преданно
Лишь то, чему в довольстве процветать,
И, может, Родина нам ближе бедами,
Которых век не занимать ей – стать.
1965 г.

«Далёкие тасую страны ...»

Далёкие тасую страны,
Как фокусник колоду карт,
Смешав британские туманы
И монтекарловский азарт.

И перекинув мост Риальто
В Канберру или Веллингтон,
Я этим небывалым сальто
Ничуть в душе не удивлён.

Качусь, как перекасти-поле —
Кто подберёт, куда прибьёт...
Резон ли перекастной голи
Загадывать что наперёд?

Чужая речь, чужие лица,
Чужой истории черты,
Былое чудится и снится,
Строкой ложится на листы.

Зато строке препоны нету,
И нет над нею топора,
Она летит по белу свету,
Куда несут её ветра.

И уши слушают чужие,
Как в горести глухонемой
Безумно сетует Россия,
Тоскуя по себе самой.
1978 г.

«Услышишь русское словцо ...»

Услышишь русское словцо
Былой ещё закваски,
И словно бы пахнёт в лицо
Дыханьем давней сказки.

Там лес дремучий до небес,
Изба на курьих лапах,
И вой: «Кого попутал бес.
Людской я слышу запах!»

Но воин славное копье
Вознёс над силой адской:
«Молчи, проклятый! Не твоё!
Зазря зубами клацкай.

Над вашей злобой верх возьму,
Осилю все зароки,
Не век, видать, вам править тьму,
Уже подходят сроки».

А злоба тоже не слаба,
Палит огнём и ядом,
И смотрит страшная изба
Кровавым мутным взглядом.

Но не сдаётся богатырь,
Сражается отважно,
За ним России даль и ширь,
А с ней ему не страшно.

1976 г.

«Знаю, дней твоих, Россия ...»

Знаю, дней твоих, Россия,
Нелегка стезя,
Но и в эти дни крутые
Без тебя нельзя.

Ну, а мне готова плаха
Да глухой погост
Во все дни – от Мономаха
И до красных звёзд.

И судьбины злой иль милой
Мне не выбирать,
И за то, что подарила —
В землю, исполать.

Кто за проволокою ржавой,
Кто в петлю кадык —
Вот моей предтечи славы
И моих вериг.

Не искали вскользь обхода,
Шли, как Бог велел,
И в преданиях народа
Высота их дел.

Погибая в дни лихие,
Оттого в чести,
Что не кинули, Россия,
Твоего пути.
1967 г.

...И лагерные звёзды светят ярко, обламываясь о зубцы забора

Суд

I

Лети бывшее прахом,
Казнить тебя пора
Руки единым взмахом
И росчерком пера!

Чтоб насмерть – не воскресло,
Не вырвалось из мглы.
О, как жестоки кресла,
Пронзительны столы!

Глядят глаза лихие
И в голосах тех – яд,
От имени России
Навытяжку стоят.

И не спастись, не скрыться,
Не пошатнуть стены.
Вдали родимых лица
Печальны и верны.

... И этот страх барьера
И эта вот скамья —
Моей судьбины мера,
Отныне суть моя?

Встать, сесть имею право,
Отсчитаны шаги.
Налево и направо
Погоны, сапоги.
1970 г.

II

И чем душа кипела,
Чем был годами жив,
Теперь подшито к делу
И брошено в архив.

Родимые тетради,
Знакомых рифм гурьба,
Дрожь сердца в звонком ладе,
Что ни строка – судьба.

Как трепетно порою
Листал, то тешась вновь
Созвучною игрою,
То правил, черкал в кровь!

Сквозь точки, запятые
Мелькали тем видней
Судьбы перипетии,
Со бытия прошлых дней.

И всё, как взрывом – смаху,
Бей штемпель тот, кости!
Грядущее, ты к праху,
А нынче – Бог прости!..

В лихие те картоны,
В железо скрепок тех
Моления, зовы, стоны,
И праведность, и грех.
1970 г.

«...»

А когда вспоминается детство,
Под Уфою бараки в снегу —
Никуда от печали не деться,
И хотел бы – вовек не смогу.

Завывала пурга-завируха,
В репродуктор ревела война,
И преследовала голодуха
Год за годом с утра дотемна.

И ни сказки забавной и звонкой,
Ни игрушек – весёлой гурьбой —
Жизнь пугала чужой похоронкой,
Заводской задыхалась трубой.

Пахло холодом и керосинкой,
Уходил коридор в никуда,
И в усталой руке материнской
Всё тепло умещалось тогда.

1977 г.

«Эвакуация. Бараки жёсткие ...»

Эвакуация. Бараки жёсткие.
Эвакуация. Закаты жёлтые.
Сугробы тёмной чужой зимы.
Эвакуация. Бараки. Мы.
Зима холодная, зима голодная.
Беда большая, общенародная.
А я, знай, бегаю, в снежки играю.
Нету войне ни конца, ни краю.
1975 г.

«Что случилось, что же случилось ...»

Что случилось, что же случилось —
С телом впрямь душа разлучилась
В ту проклятую ночь, когда
Била в колокола беда,
И железно койка скрипела,
И краснела лампа, дрожа,
А душа покинула тело —
Не увидели сторожа.
И ключи в замках громыхали
И гудели шаги вокруг,
Чьи-то шёпоты то вздыхали,
То опять пропадали вдруг...
1974 г.

«В проходе тёмном лампочка сочится ...»

В проходе тёмном лампочка сочится,
И койки двухэтажные торчат.
Усталого дыханья смутный чад,
Солдатские замаянные лица.
То вздох, то храп, то стон, то тишина.
Вдруг скрежет двери – входит старшина.
«Дивизион – подъём!» И в миг с размаху
Слетают в сапоги. Ремни скрипят,
Но двое-трое трёхгодичных спят,
А молодёжь старается со страху.
«Бегом!» Глухое утро. Неба дрожь.
О, время, ну когда же ты пройдёшь!
И словно мановеньем чародея
Прошло.

Решётка, нары и в углу
Параша. Снова лампочка сквозь мглу,
А за оконцем – вышки. Боже, где я:
Заборы, лай, тулупы да штыки.
Шлифуй футляры, умирай с тоски...
Кругом разноязыкая неволя.
Я на семнадцатом, на третьем – Коля.
А ты, Россия, ты-то на каком?
А, может, ты на вышке со штыком?
Когда ж домой?

Спаси, помилуй, Боже!
Вернулся. Долгожданная пора.
Но не могу сегодня от вчера
Я отличить никак. Одно и то же.
1986 г.

«Как ты снишься отчаянно, Стрельна...»

Как ты снишься отчаянно, Стрельна!
Точно ранишь меня огнестрельно —
То шумящим с разбега заливом,
Плачем чайки и ветра порывом,
То кабиной на пляже безлюдном,
То вдруг псом вороватым, приبلудным,
То простором и шорохом парка,
Маятою вороньего карка,
Одиноким вдали пешеходом,
Торопящим строку небосводом...
1971 г.

«До чего же здесь ночи темны ...»

До чего же здесь ночи темны!
Небо словно в пожарища дыме,
Город мой вдруг врывается в сны,
Будто бомбою взорванный ими.

Милых улиц узнать не могу.
Эти здания, эти соборы,
Что когда-то не сдались врагу,
Повалились вповалку, как горы.

Всё в снегах, непролазных снегах.
Вьюга рыщет и нет мне дороги.
Боже праведный! В бедственных снах
Ты судьбы ли подводишь итоги?

Эти набережные, мосты,
Эти всадники, эти колонны —
Жизнь моя – это ведаешь Ты.
И во сне мои страхи бездонны.

И наутро – о, как же понять —
То был сон или в пропастях ада
Ночью грозной блуждал я опять
Видя гибель любимого града?

Лене

Вышла замуж за тюрьму,
Да за лагерные вышки —
Будешь знать непонаслышке —
Что, и как, и почему.

И в бессоннице глухой,
В одинокой злой постели
Ты представишь и метели,
И бараки, и конвой.

Век двадцатый – на мороз
Марш с киркой, поэт гонимый!
Годы «строгого режима»:
Слово против – дуло в нос.

Но не бойся – то и честь,
И положено поэту
Вынести судьбину эту,
Коль в строке бессмертье есть.

Только жаль мне слёз твоих
И невыносимой боли
От разлучной той недоли,
От того, что жребий лих.
1970 г.

«То украинскую мову ...»

То украинскую мову,
То прибалтов слышу речь, —
Тайную ищу основу,
Смысл пытаюсь подстеречь,

Слов не ведая, внимаю,
Лишь догадкой вслед бегу
(Как бы музыка немая,
Что постигнуть не могу).
Но гляжу на эти лица,
Ярых рук ловлю разлёт,
В складке губ судьба таится
И прищур рассказ ведёт.

От осколка шрам на шее
И в глазнице голой – тьма:
Эту речь я понимаю,
Здесь творила жизнь сама.

День за днём сильнее чую
Суть её, крутой исток —
Азбуку её лихую
Нынче знаю назубок...
1970 г.

«В умывальной враз на бетон ...»

В умывальной враз на бетон
Тяжко рухнул и умер он —
В сырость, грязь, окурки, плевки,
Ржавой лампы ржавая дрожь
Мрачно замершие зрачки
Осветила – страх, невтерпёж...

Как бы в них отразились вдруг
Дестилетья – за годом год
Те ж заборы, вышки вокруг,
Лай собачий ночь напролёт.

То в столовку с ложкой в руке,
То обратно шагал в барак,
И дымил махрой в уголке —
Что ни день – вот так, только так.

О свободе грезил сквозь сон,
Да подсчитывал, знай, годки —
В умывальной враз на бетон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.